ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЮНЬ 2016 г. ● № 6 (236) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Издается редакцией и Союзом писателей России

Владимир БОНДАРЕНКО

ПОСТАВЬТЕ ПАМЯТНИК ГИТЛЕРУ

Не так давно кубанский казачий атаман предложил поставить в Краснодаре памятник генералу Краснову, мол, яркий полководец, много раз воевал за Россию, поддерживал казацкий дух, а то, что был белым генералом, сейчас и не страшно, может, это даже лучше, чем красным. Наверное, так бы и поставили. Только одного не учёл нынешний казачий атаман, или скорее всего осознанно скрыл, что в годы Великой Отечественной войны генерал Пётр Краснов, в отличие от генерала Деникина, радующегося победам Красной Армии над фашистами, служил этим самым фашистам, и не где-то в обозе, а командовал эсэсовскими казачьими частями. Так что всё-таки есть отличие белых генералов Врангеля, Колчака и Деникина от тех белых генералов, которые пошли служить Гитлеру. Вот и повесили генерала Краснова вместе с Власовым и другими предателями в Москве.

Но переоценка ценностей тем не менее продолжалась. Совсем недавно в Армении, достаточно зависимой и сейчас от России и экономически, и политически, поставили памятник якобы национальному герою Гарегину Нжде. Отличился он ещё совсем молодым на Балканах, где воевал с турками, вырезая турецкие деревни, затем храбро сражался в рядах царской армии, после революции вернулся в родной Ереван и занялся в Зангезуре чисткой азербайджанского населения. Заодно воевал и с красноармейцами.

В 1930-е годы Гарегин Нжде увлёкся фашистской идеологией, перебрался в Германию, где стал работать под крылом начальника внешнеполитического управления НСДАП Альфреда Розенберга. Здесь он вместе с генералом Дро занялся формированием армянских военных отрядов для войны против СССР, а также вошёл в созданный фашистами "Армянский национальный совет". 809-й армянский пехотный батальон был переброшен на Украину и в Польшу, где участвовал в операциях против партизан. За заслуги личный состав батальона заслужил похвалу от командующего вермахта на Украине Гитцингера и командующего восточными частями генерал-майора Ильгена. Особого внимания заслуживает деятельность зондеркоманды "Дромедар", получившей своё название в честь генерала Дро. В апреле 1943 года она занималась организацией разведывательно-диверсионных мероприятий в тылах войск Северо-Кавказского фронта.

В 1944 году, вовремя поняв, подобно Муссолини, Маннергейму и болгарским лидерам, что Германия войну проиграла, Нжде снова меняет свою кожу, начиная заигрывать с коммунистами, пишет письмо Сталину, в котором пытается оправдать себя и свои преступления. Он предаёт своего товарища по оружию генерала Дро, называя последнего предателем и преступником, тем не менее, фашиста арестовали и осудили на 25 лет. Будущий герой Армении и столп Республиканской партии Саргсяна не дожил до окончания срока, скончавшись во Владимирском централе 21 декабря 1955 года.

Зачем сегодня Армении надо возвеличивать нациста, скончавшегося в российской тюрьме? Чтобы порвать с Россией отношения? Установление памятника Нжде в Ереване вызвало резкую реакцию в России. Россия ведёт по всей Европе борьбу с неофашистскими тенденциями, а в столице её кавказского союзника воздвигают памятник нацисту и головорезу. Для Москвы Нжде никакой не герой – он обычный военный преступник и фашист.

Политолог Сергей Марков, обычно озвучивающий кремлёвские позиции, заявил: "Открытие памятника Гарегину Нжде свидетельствует о наличии в армянском обществе неких мощных сил, которые ориентированы против России, ведь Россия является главным победителем германского нацизма. Подобный поступок Еревана выходит за все приемлемые форматы. Это должно потребовать решительной реакции России…". "Сотрудничество с германским нацизмом и тем самым соучастие в его чудовищных преступлениях, в том числе в геноциде русского народа, одном из важнейших стремлений германского нацизма, должно зачёркивать любые заслуги. Москва должна потребовать от Еревана свернуть политику героизации нацистских преступников. Этот запрос должен быть всегда на столе российско-армянских переговоров", – заявил Сергей Марков.

МИД России выразило протест и удивление установкой в Ереване памятника одному из создателей "Армянского легиона" Вермахта генералу Гарегину Нжде. Это заявила официальный представитель ведомства Мария Захарова. "Наше отношение к Великой Отечественной войне все прекрасно знают. Наше отношение к каким-либо формам возрождений, героизации любых проявлений нацизма, неонацизма, экстремизма, тоже все хорошо знают. Это отношение зафиксировано в международных документах. Для нас непонятно, почему установлен указанный памятник, ведь мы все знаем о … бессмертном подвиге армянского народа времён Великой Отечественной войны", – сказала она.

Интересно, хватит ли у Марии смелости высказаться и по поводу мемориальной доски маршалу Маннергейму в Петербурге?

Вот это была уже самая настоящая сенсация мирового уровня, хотя она и замалчивается в нашей прессе. Местом для уже повторной попытки увековечивания памяти Карла Густава Маннергейма в Санкт-Петербурге выбрано здание на Захарьевской, 22. До 1948 года здесь располагалась Церковь святых и праведных Захария и Елизаветы (домовая церковь лейб-гвардии Кавалергардского полка), а после сноса храма был построен учебный корпус военного инженерно-строительного училища, сегодня это Военный инженерно-технический институт имени генерала Комаровского. Кавалергардом был и барон Маннергейм. Вот он и стал первым кавалергардом, увековеченным в каменной летописи Петербурга. Ни славный партизан Денис Давыдов, ни освободитель всех славян генерал Михаил Скобелев – тоже кавалергарды – такой чести не удостоены. Следующим, очевидно, согласно нынешней перевернутой логике, отметят памятной доской кавалергарда Жоржа Дантеса.

Не поверите, но предложение установить в Петербурге памятную мемориальную доску в честь барона Маннергейма поступило от Российского военно-исторического общества, больше в военной истории России весомых фигур для увековечения памяти не нашлось. Как указывается на главном сайте этого общества: "У страны должны быть герои, и люди должны их знать. Это должны быть ориентиры, на примерах которых сегодняшние поколения могли бы воспитываться и воспитывать своих детей. Это очень важно!..". Слова самого Владимира Путина. Вот и подобрали "героя" для примера.

На сайте "Фонтанка" я нашёл высказывания самих питерцев о Маннергейме, руководитель Военно-исторического клуба "Ленинград 900" Артём Кокин считает: "Нам рассказывают, что он был весь такой любитель Ленинграда, но всё-таки блокада состоялась, в том числе благодаря и ему. Все разговоры о том, что он отдал приказ не штурмовать Ленинград, являются исторической фальсификацией. Финнов остановила Красная армия. Я не могу иначе к этому относиться – у меня прадед погиб под Ораниенбаумом, прорывая блокаду Ленинграда". Заведующий кафедрой истории Нового и Новейшего времени СПбГУ, доктор исторических наук Владимир Барышников также не уверен в необходимости героизации полководца. "Маннергейм если и был героем, то, конечно, не России, а иного государства, – уверен он. – Все его заслуги, которые были связаны с нашим Отечеством, они существовали. Но таких генералов в русской армии было более чем достаточно, и преувеличивать значение одного из них не следует".

И называть Маннергейма спасителем Ленинграда просто кощунственно. "Задача была Ленинград взять, – говорит Барышников. – Даже более того: в Финляндии была заготовлена правительственная речь по поводу взятия Ленинграда, и в ней ничего хорошего о нашем городе не говорилось. Давайте вспомним, что финские войска также оккупировали советскую часть Карелии. Практически все города были переименованы на финский лад. Что говорит о том, что эти территории хотели сохранить за собой. Режим, установленный на территории Карелии, был расистским по своей сути. Русское население отделялось от финно-угорского, определялось в концлагеря, смертность в которых в процентном отношении была даже выше, чем в немецких. И эти жертвы ложатся тенью на маршала Маннергейма".

Один из сотрудников военно-инженерного института, на стенах которого теперь закреплена мемориальная доска, считает: "На занятиях по военной истории курсантам рассказывают, что Маннергейм был союзником Гитлера, его войска держали Ленинград в блокаде. Желания принимать участие в её открытии лично у меня никакого нет. Но если нам прикажут, придётся стоять там – позориться. У меня дед воевал на Ленинградском фронте, если бы он сегодня был жив, мне было бы стыдно ему в глаза смотреть…".

Пробовали и протестовать против этого увековечения, но очень уж с больших высот прозвучало это требование. На открытие мемориальной доски приехали из Москвы министр культуры Мединский и глава администрации президента России Сергей Иванов. Куда уж выше.

Только непонятно, откуда возникло это дикое желание? Дело в том, что в самой Финляндии к этому увековечению отнеслись с определённым скепсисом, сами финны к маршалу относятся достаточно сложно.

(окончание на стр.3)

Русские и испанские писатели в Гранаде у памятника Пушкину. Пушкинские дни – 2016

"Гренада моя..."

Шестого июня в день рождения русского гения Александра Пушкина в испанском городе Гранада (ранее у нас называвшемся Гренада), в Русском центре гранадского Университета состоялось торжественное открытие Дней русской литературы в Испании. Мы, русская группа писателей, летели сначала из Москвы в Малагу. Наша поездка была организована Фондом социальных инициатив "Народное Единство", Издательским домом "Литературная учёба" – инициативной группой Горьковской литературной премии и Русским музеем в Малаге.

Для всех нас – лауреатов Горьковской премии года – это стало своеобразным испанским послевкусием. Получив премию в Москве мы дружно поехали отмечать её в Гранаду, рассказывать испанским славистам и студентам о развитии русской современной литературы.

Со стороны России во встрече приняли участие нынешние горьковские лауреаты: писатель из Калужской области Максим Яковлев (автор повестей "Фрески", "Ничего не бойся" и "Время дороги"), ваш покорный слуга – литературный критик из Москвы Владимир Бондаренко (как автор нашумевших книг в серии ЖЗЛ "Бродский: русский поэт" и "Лермонтов. Мистический поэт"), романист Дмитрий Конаныхин ("Деды и прадеды") и поэт из далекого Сахалина Владимир Семенчик (автор сборника стихов "Качает ветер лодочку"). От Фонда социальных инициатив "Народное Единство" с нами вместе приехал молодой и энергичный исполнительный директор Александр Ефремов.

Встреча состоялась в Русском центре гранадского Университета, зал был полон, пришли и журналисты.

Все авторы продолжают традиции русской классической литературы, и поэтому главная тема встречи была обозначена так – "Русская классика в современном мире: от идеи – к сюжету". Со стороны Испании к беседе присоединились Хоакин Торкемада, переводчик лирики Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, Энрике Керо Хервилья (заведующий кафедрой греческой и славянской филологии Университета Гранады), а также слависты из ведущих европейских стран.

К Дням русской литературы был приурочен и открывшийся уже на другой день здесь же, в Русском центре Университета, XVI симпозиум международного Общества Достоевского. Симпозиум был посвящён 150-летию со дня выхода в свет романа "Преступление и наказание" и призван содействовать исследованию и пропаганде этого выдающегося произведения мировой литературы. Естественно, приехавшие из разных стран слависты пришли и на нашу встречу познакомиться с современной русской литературой.

Мне приходилось уже выступать в университетах Венеции, Ирландии, Сан-Франциско, Шанхая, и на этом общем фоне встреча в Университете Гранады произвела на меня яркое впечатление, в зале сидели заинтересованные люди, вопросы были профессиональные и часто переходили в дискуссию. Впрочем, мы дискутировали и друг с другом, скажем, похожий на Хемингуэя наш романист Дмитрий Конаныхин скептически оценивал всю русскую современную прозу, я же доказывал, что и сегодня у нас есть ярчайшие романисты уровня Александра Проханова и Захара Прилепина. Оказалось, что и на самого Хемингуэя мои молодые коллеги поглядывают косо. Очевидно, сказывался возраст, стычка поколений, очередное сбрасывание классиков "с корабля современности". Для литературы всё это не опасно, это явление временное, "возрастное", главное – писались бы хорошие книги.

Удалось пообщаться и с Энрике Хервилья, ведущим славистом Испании, обменялись мнениями по поводу нынешних наших "звёзд" беллетристики Дмитрия Быкова и Людмилы Улицкой, и я рад, что наши взгляды совпали.

После выступления в Университете мы все дружно пошли к памятнику Пушкина, установленному год назад в центре Гранады. В день рождения русского гения читали его стихи и на русском, и в переводе на испанский, сделали общий снимок. Культурную программу каждый из нас решал по своему, кто-то захотел хоть мельком, но взглянуть на мавританский дворец Альгамбру – фантазию средневековых султанов, пожелавших устроить свой рай в Гренаде, кто-то предпочел побродить по узеньким старинным улочкам, посетить Кафедральный собор, в котором похоронен знаменитый Гран Капитан Гонсало Фернандес де Кордоба, кто-то наслаждался испанским барокко.

Времени у нас было не так много, тем более, что перед возвращением в Малагу слависты Университета устроили нам дружеский ужин с непременным блюдом "бычий хвост" и душистым испанским вином. Так плавно мы от разговоров о русских поэтах и писателях переходили к обсуждению корриды, кто-то из нас требовал её запретить, кто-то считал ярким театральным действием. К тому же нас окружали пламенные испанки, везде царил аромат величественной агавы, которую испанский гений Гарсиа Лорка называл "окаменелым осьминогом". Удалось мне побывать и в доме-музее знаменитого поэта. Жаль, не нашёл его бюстика для своей коллекции.

На встрече в Университете была предложена ещё одна интересная инициатива: объявлен конкурс на лучший перевод на испанский язык одного из рассказов нашего калужского прозаика Максима Яковлева. Думаю, к будущим Дням русской литературы в Гранаде конкурс будет проведён, и рассказ будет напечатан в испанском сборнике. Жюри со стороны России возглавляет Алексей Варламов, ректор Литературного института имени Горького, со стороны Испании – Хоакин Торрекемада, переводчик лирики Анны Ахматовой и Марины Цветаевой. Лучший перевод будет опубликован на сайте проекта Russia Beyond The Headlines. Все участники будут награждены памятными подарками от издательского дома "Литературная учёба" и благотворительного фонда "Народное Единство".

Такова незатейливая, но действенная пропаганда современной русской литературы в Испании.

Я рассказал студентам об испанской версии происхождения Лермонтова и прочитал им стихи Иосифа Бродского; наш поэт Владимир Семенчик, пересекший для этой поездки всю Евразию, от Южно-Сахалинска, где он живет, до Малаги, донёс до слушателей энергию Тихого океана.

Дни русской литературы в Гранаде, привлекшие слушателей на наши выступления, в Малаге центром своего притяжения выбрали Русский музей.

Это было полной неожиданностью для нас: на берегу Средиземного моря, в курортном городе целый год будут демонстрироваться завезенные туда прекраснейшие полотна русских художников из питерского Русского музея. Поразил их тщательный отбор именно на русскую тему: были представлены самые разные художники, от передвижников до супералвангардиста Казимира Малевича, от тончайших мирискусников и "Бубнового валета" до шедевров социалистического реализма. Экспансивные испанцы увидят и северный русский стиль, как одно из продолжений развития чисто русского пути. Увидят и советских мастеров Лактионова и Пластова, смелых экспериментаторов Ларионова и Гончарову – и всё в русском стиле, в русском духе, с русскими сюжетами. Прочувствуют и поймут отличие всего европейского искусства от самобытного русского пути.

Была там и выставка плакатов двадцатых годов, от неожиданного для наших дней плаката "Долой чаевые" до знаменитого авангардистского "Клином красным бей белых". Этот временный филиал Русского музея активно посещается испанцами, здесь они познают Россию.

Думаю, наша встреча в Испании крайне важна и для повышения статуса литературной Горьковской премии. Впервые за всю одиннадцатилетнюю историю этой премии у российских писателей – её лауреатов – появилась возможность встретиться с зарубежными читателями. На встрече присутствовали директор Русского центра Университета Энрике Кьеро Гервилья, аспиранты и студенты, изучающие русский язык и интересующиеся русской культурой.

...В 1952 году Ольга Берггольц посвятила светловской "Гренаде" стихотворение "Побратимы", начинавшееся словами: *"Мы шли Сталинградом…"*. Безымянного героя Светлова Берггольц отождествила с летчиком Виктором Хользуновым, ставшим кадровым военным и в 1936-1937 годах участвовавшим в гражданской войне в Испании:

Но только, наверно, ошибся поэт:
тот хлопец – он белыми не был убит.
Прошло девятнадцать немыслимых лет –
он всё-таки дрался за город Мадрид.

Вот и мы уже в 2016 году, спустя чуть ли не 90 лет, отстаиваем идеалы русской и советской литературы перед испанцами и, надеюсь, успешно. По крайней мере, если не крестьянам испанским, то их сыновьям и внукам мы успешно прививали в Гранаде уже русскую грусть, раскрывали русскую душу. А за испанской душой мы шли в дом-музей Пабло Пикассо, в дом, где родился великий испанский художник. Ибо, при всех увлечениях великого испанца, в главном он оказался проникновенно национальным мастером. И в этом мы все – приехавшие русские писатели – были едины.

Владимир БОНДАРЕНКО

Максим ЯКОВЛЕВ

Пушкин в июле

Поехали к Пушкину в Михайловское... Сколько лет собирались, да всё никак не случалось, всегда что-нибудь отменяло и не пускало, а тут вдруг в июле – несколько неприкаянных вольных дней. Едем!

Как-то он встретит нас?

Еду и думаю, кто он нам? Александр Сергеевич, душа... Вроде тысячу лет знакомый, а вот доведись нос к носу, и что тогда? Смог ли поговорить с ним? И о чём?.. Хотя, о чём же ещё, как не о нашей России, о том, что творится в ней. О литературе, конечно...

Очень бы надо поговорить, да только сам-то Александр Сергеевич пожелал бы он общаться со мной, вот в чём вопрос. С давних пор спрашиваю себя: с кем бы я хотел потолковать начистоту обо всём, что называется "по душам"? А ведь было с кем. Василий Макарович, например. Умер он, умерла и возможность встречи. Кто ещё… Виктор Попков, живописец. Тоже ушёл безвременно. Ещё Георгий Свиридов. И его уже нет с нами. Но с Пушкиным я готов был всегда, нет-нет, да и заговаривал с ним, вернее, обращался к нему, почти не надеясь на диалог.

И вот, едем в гости к нему в Михайловское. Почему он для меня в Михайловском, именно там, как нигде ещё? Может быть потому, что он и лежит там, рядом – в Святогорском монастыре, или потому, что места там пронзительные своей какой-то особой русскою вечностью, а вместе с тем, безоговорочно пушкинские, – того и гляди, с поворота на бричке выкатит или пересечёт шоссе верхом на лошади с прогулки по вечернему полю... А может, и потому, что здесь *"приют, сияньем муз одетый"*... Дух, душа этой псковской местности – вот, что притягивает, "прилелеивает" прежде всего. Откуда он тут, этот дух? Кто вселил его в эти пределы? Пушкин дышал этим духом, питал им свой гений, и столько успел явить от этого духа! Любой поэт и писатель кто он, как не приёмник-носитель духа, подобно почве приемлющей солнце и воду с неба и рождающей от него по своему характеру и составу. Здесь из Пушкина выросли "Борис Годунов", все основные главы "Евгения Онегина", вырос "Пророк", плеяды неподдельно русских лирических его шедевров... "Чувствую, что душа моя развилась вполне – я могу творить" – откровение, вырвавшееся из груди поэта именно здесь в Михайловском. Пушкин обрёл себя, тот великий и русский Пушкин, которого мы любим и чтим, – вот, что случилось здесь на этих холмах и дубравах, на брегах и лугах тихой и чистой Сороти. Обрёл от этого духа свыше. Вдохновение? Да. Ибо вдохновение это не выдох, а вдох! По Пушкину: "Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно, и объяснению оных". Вот, что такое Михайловское и вся здешняя местность – Пушкиногорье, со всей несказанной музыкой: лугами, горками, речками, усадьбами, монастырём...

Приехали мы ещё светлой ночью. Остановились на ночлег в нескольких верстах от Михайловского. Нам с женой достался скромный двухместный номер на втором этаже гостиницы, что стоит на лесной окраине городка. Мы успели поужинать в местном кафе, и заснули под шёпот дождя и всплески игривого смеха шатавшейся под окнами молодёжной компании...

Название городка Пушкинские Горы. Народу на улицах мало, в основном приезжие. Местные жители, большей частью, на рынке. Торгуют. Но, что сразу бросилось в глаза, так это обилие "Волг". Их тут чуть не на каждом шагу – разного цвета и года выпуска, иномарок в разы меньше. С чего это вдруг такое в пушкинских-то местах? И думается неспроста: Пушкин себе, какую бы марку авто предпочёл? То-то и оно, "Волгу" и предпочёл бы. Пожалуй, это точно его машина. На другой он как-то не представляется мне. Пушкин в "Мерседесе"... на "Тойоте"... в навороченном джипе… Это Пушкин-то?! Как-то смешно и лживо. Нет, всё правильно – "Волга", только она. А вот Лермонтов, скорее всего, на отечественной "девятке" гонял бы…

Мы у входа в Михайловское. В лесу, слева от шоссе, въезд на территорию музея-заповедника, перегороженный, как зачёркнутая строка, шлагбаумом. За неимением пропуска, оставляем машину свою на обочине. Минуем сторожевую будку, и вступаем в столь вожделенную нами область...

Спускаемся по лесной асфальтовой дорожке, где начинает радовать всё, – от кристального, настоянного на хвое и травной свежести воздуха, до непременных, но таких не злобных, можно даже сказать, весёлых комариков.

– Смотри – земляника!

В Подмосковье и далее к югу земляника давно уже отошла, а здесь вот она – проглядывает тут и там алыми огоньками ягод... Собрали по горсточке и вкусили. Ай, душиста! Гостеприимно встречают. И общая мысль у обоих: Александр Сергеевич...

Открылось поле с берёзами, разделённое по центру плавной дорожкой, ведущей, надо думать, к самой усадьбе. Справа футбольная полянка с необычного размера воротами из жердей, но, видать, такие были в то время. Здесь Пушкин играл в футбол. С кем играл? С местными парнями деревенскими, с кем ещё. Судя по не очень большой площадке, где-то – пять на пять или шесть на шесть тут рубились, – иной раз дотемна, освещенья-то не было. Пущин, когда приезжал, на воротах стоял, как пропустит меж ног, так ему Пушкин и скажет: "Эх, Пущин, Пущин, надо б тебе "Непущин" зваться!". Пушкин, коли заведётся, неудержим был, мог троих-четверых накрутить финтами, и вратаря на пятую точку посадить, а после мяч партнёру на блюдечке выложить. Лучше всего они с Языковым в пас играли, понимали друг друга не глядя. Тот тоже заводной был, азартный до невозможности, проигрывать не любил... А Вяземский никогда не играл, не любил "гонять в футболянку", стоял в сторонке, поблёскивая очёчками. Пушкин промахнётся в пустые ворота, а он посмеивался: "Это тебе не эпиграмки строчить, тут уметь надо!..".

Дальше, по правую же руку, спиной к кромке леса, крытая деревянная сцена, наподобие летней эстрады в парке, а перед ней – ничем не ограниченная поляна для зрителей. Для чего сие заведение предназначалось, догадаться не сложно: во-первых, на этой сцене местные крестьянки исполняли для Пушкина и его гостей народные песни, слова из которых поэт записывал в свою записную книжку; во-вторых, Александр Сергеевич представлял здесь отдельные сцены из "Бориса Годунова" перед деревенскими обитателями и ближайшими к нему помещиками, в том числе, перед Вульфами и, разумеется, Анной Керн; в-третьих, он и сам выступал, читая со сцены свои стихи... *"Роняет лес багряный свой убор, Сребрит мороз увянувшее поле..."*. Или: *"Я памятник себе воздвиг не рукотворный, К нему не зарастёт народная тропа..."*. И тропа эта воистину не зарастает!

Вот мы идём по ней – по широкой, сплетённой из рукавов-тропинок, вместе с многочисленными попутчиками, – встречаются целые семьи, встречаются и богомольцы-паломники, что после намоленных русских твердынь Изборска и Пскова, после Святогорского монастыря сворачивают обязательно и сюда, в намоленное пушкинскими стихами Михайловское. Да и как не свернуть, если в этих местах, в этом певучем, отзывчивом, радушном пространстве таинственно творил святой русский дух поэзии!

Здесь же, на этой поляне устраиваются в наши времена знаменитые Пушкинские праздники поэзии, начало и жизнь которым положил первый ангел-хранитель, ангел-спасатель и собиратель Михайловского, он же первый его директор, легендарный Семён Степанович Гейченко. Вечный поклон ему.

По-соседству с этой театральной поляной разместилось кафе: скромное, но уютное сооружение, заставленное деревянными столами и откидными скамейками. Рядом с кафе пара полотняных шатров с пластиковыми столиками и стульчиками. Видимо, всё это на месте более древней постройки такого же употребления, где Александр Сергеевич отмечал с друзьями свои футбольные виктории, а равно и поражения, а также поднимал бокал на шумных банкетах по случаю удачных авторских выступлений...

А вот и пушкинский пруд под ивами... с ажурною дугою мостика, словно лёгкая белая строчка, да хоть из "Онегина": *"Мы все учились понемногу, Чему-нибудь и как-нибудь"*... отражённая белой улыбкой в воде: *"Так воспитаньем, слава богу, У нас немудрено блеснуть"*…

Под деревьями, водя по холстам неуверенно-дерзкой кистью, сутулятся студенты художники, им есть из чего выбирать. Этюдники – как большие раскрытые книги на ножках. Но язык не поворачивается называть всё это михайловское роскошество "натурой":

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок...
Господский дом уединенный...
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёлы; здесь и там
Стада бродили по лугам
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад...

И всё это есть пред нами! Всё это живо! Мы, право, даже в затрудненье, какое предпочесть решенье: пойти ли мостиком, аллеей, иль пруда берегом – правее, над лугом и потоком вод под небом по июльски медленным?.. Выбираем последнее. *(А написалось-то невольно почти стихом!)*

По одну сторону от дорожки лежит недвижная Сороть, раскидавшаяся, словно во сне, по лону живописной поймы. А слева начинаются постройки.

(окончание на стр.8)